

НАОМИ АЛДЕРМАН

СИЛА

NAOMI ALDERMAN

**THE
POWER**

НАОМИ АЛДЕРМАН

СИЛА

роман

Перевод с английского
Анастасии Грызуновой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
А45

THE POWER by NAOMI ALDERMAN

Copyright © 2016 by Naomi Alderman

Иллюстрации © Marsh Davies

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Опубликовано при содействии Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Перевод с английского Анастасии Грызуновой

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Наоми Алдерман

А45 Сила: Роман / Пер. с англ. А. Грызуновой. — М.: Фантом Пресс, 2020. — 464 с.

Что бы произошло с миром, если бы женщины вдруг стали физически сильнее мужчин? Теперь мужчины являются слабым полом. И все меняется: представления о гендере, силе, слабости, правах, обязанностях и приличиях, структура власти и геополитические расклады. Эти перемены вместе со всем миром проживают проповедница новой религии, дочь лондонского бандита, нигерийский стрингер и американская чиновница с политическими амбициями — смену парадигмы они испытали на себе первыми. “Сила” Наоми Алдерман — “Рассказ Служанки” для новой эпохи, это остроумная и трезвая до жестокости история о том, как именно изменится мир, если гендерный баланс сил попросту перевернется с ног на голову. Грядут ли принципиальные перемены? Станет ли мир лучше? Это роман о природе власти и о том, что она делает с людьми, о природе насилия. Возможно ли изменить мир так, чтобы из него ушло насилие как таковое, или оно — составляющая природы homo sapiens? Роман получил премию Baileys Women’s Prize (премия присуждается авторам-женщинам).

ISBN 978-5-86471-850-6

© Анастасия Грызунова, перевод, 2020
© Андрей Бондаренко, оформление, 2020
© “Фантом Пресс”, издание, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИЛ/НАОМИ ПЕРЕПИСКА	11
НИЛ АДАМ АРЕМОН	
СИЛА Исторический роман	
ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДО	19
ЗА ДЕВЯТЬ ЛЕТ ДО	59
ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ ДО	111
ЗА ШЕСТЬ ЛЕТ ДО	185
ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ДО	229
ОСТАЛСЯ ГОД	299
ЕЩЕ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ, НЕ БОЛЬШЕ	343
НУ, ПОГНАЛИ	397
АПОКРИФ, ИСКЛЮЧЕННЫЙ ИЗ КНИГИ ЕВЫ	449
НИЛ/НАОМИ ПЕРЕПИСКА	451
БЛАГОДАРНОСТИ	461

Маргарет и Грэйму,
которые показали мне чудеса

И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу в Раму, и сказали ему... поставь над нами царя, чтобы он судил нас...

И... сказал <им Самуил>: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами. И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда.

Но народ не согласился послушать голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами; и мы будем, как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши.

И выслушал Самуил все слова народа, и пересказал их в слух Господа.

И сказал Господь Самуилу: послушай голоса их, и поставь им царя.

Мужской союз писателей
Нью-Биванд-сквер
27 октября

Дорогая Наоми!

Закончил проклятую книгу. Шлю тебе, со всеми обрывками и рисунками, и надеюсь, что ты теперь меня направишь — или что я, уронив ее камешком в колодец, хотя бы услышу эхо.

Первым делом ты спросишь, *что* это вообще. Я тебе обещал, что “очередной сухой исторической монографии не будет”. Осилив четыре книжки, я понял, что обычному читателю только и не хватало рыться в бесконечных горах свидетельств, — никого не волнуют подробности датировки и сравнение геологических пластов. Я видел, как у слушателей стекленеют глаза, когда я объясняю свой исследовательский подход. Так что у меня тут как бы гибрид — надеюсь, нормальным людям понравится больше. Не совсем исторический труд, не то чтобы роман. “Новеллизация” нарратива, так сказать, — вполне достоверного, тут археологи меня поддержат. В качестве иллюстраций прилагаю изображения археологических находок — надеюсь, они что-то прояснят, хотя читатели могут их пролистать (я уверен, многие так и сделают!).

У меня к тебе вопросы. Сильно шокирует? Очень трудно смириться с тем, что подобное могло произойти, даже и в далеком прошлом? Как мне поступить, чтобы все это достовернее *выглядело*? “Правда” и “видимость правды” — вещи противоположные, сама знаешь.

Я вписал кое-какие ужасно неприятные подробности про Матерь Еву... но мы же всё понимаем! Никто особо не расстроится... и вообще, нынче кого ни возьми — все твердят, что атеисты. А “чудеса” *правда* объяснимы.

Короче, извини, дальше я помолчу. Не хочу давить. Почитай и скажи, какие впечатления. Надеюсь, твоя книга тоже продвигается. Не терпится прочесть, когда будешь готова показать. *Огромное* тебе спасибо. Я так благодарен, что ты смогла найти время.

С любовью,
Нил

Дом “Небывает”

Лейквик

Дражайший Нил!

Ух ты! Какое счастье! Я уже полистала — не терпится нырнуть с головой. Я вижу, ты включил туда сцены с солдатами-мужчинами, полицейскими-мужчинами и “мальчишеские банды”, как и обещал, — ах ты негодник! Уж тебе-то я могу не напоминать, до чего люблю такие штуки. Наверняка ты помнишь. Ой, скорей бы начать.

Очень интересно, как ты обошелся с исходным посылом. Я, честно говоря, только рада отвлечься от своей книги. Селим говорит, если не получится шедевр, он уйдет от меня к какой-нибудь другой женщине, которая *умеет* писать. По-моему, он даже не догадывается, как на меня действуют такие вот бестактности вскользь.

Короче! Предвкушаю! Я думаю, этот “мир под властью мужчин”, про который ты говоришь, мне бы понравился. Наверняка он был бы добрее, сердечнее и — смею ли сказать? — *сексуальнее* нашего нынешнего.

Скоро напишу, дорогой мой!

Наоми

НИЛ АДАМ АРЕМОН

СИЛА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Форма силы неизменна — она как дерево. От корней до вершины ствол ветвится вновь и вновь — шире и шире расползаются пытливые тончающие пальцы. Форма силы — очертания живой твари, что простирается наружу, по чуть-чуть, все дальше и дальше тянет тонкие свои усики.

Это форма рек, что текут в океан, — ручейки в ручьи, ручьи в реки, реки в бурные потоки; великая сила сопрягается и сливается, набирается мощи и обрушивается в великую морскую мощь.

Это форма молнии, что бьет в землю с небес. Развилистая прореха в тучах ложится узором на плоть или почву. Те же характерные узоры расцветают в акрилопластовом блоке под электрическим разрядом. Мы посылаем ток по правильным контурам цепей и переключателей, но электричество хочет сложиться в живое — в папоротник, в голую ветку. Удар целит в центр, сила разбегается наружу.

Та же форма растет внутри нас — наши внутренние деревья нервов и кровеносных сосудов. Ствол посередине и тропинки, что делятся снова и снова. Сигналы летят из кончиков пальцев через позвоночник в мозг. Мы электрические. Сквозь нас течет сила тока — и в природе происходит то же самое. Дети мои, все, что здесь произошло, диктовалось законом природы.

И токи силы текут меж людьми — а как иначе? Люди селятся деревнями, деревни разрастаются в города, города присягают на верность мегаполисам, а мегаполисы — государствам. Приказы передаются из центра на окраины. Результаты передаются с окраин в центр. Коммуникация непрерывна. Океаны не выживут без ручейков, крепкие древесные стволы — без почек, а мозг, царь всего, — без нервных окончаний. Что вверху, то и внизу. Что по краям, то и в самой сердцевине.

Отсюда следует, что природа и правление человеческое меняются двумя путями. Один — из дворца отдать людям приказ, распорядиться: “Да будет так”. Но есть и другой путь, надежнее и неизбежнее, — каждый из этой тысячи тысяч огоньков шлет новый сигнал. Когда меняется народ, дворцу не устоять.

Ибо сказано в Писании: “Она держит молнию в длани своей. Повелевает молнии ударить”.

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДО

РОКСИ

Мужики, пока заняты тем, ради чего пришли, запирают Рокси в чулан. Но они кое-чего не знают: в чулане Рокси не впервые. Когда Рокси безобразит, ее там запирает мама. Ненадолго. Пока Рокси не возьмет себя в руки. Рокси часами сидела в этом чулане и постепенно расшатывала замок — ковыряла винтики ногтем или скрепкой. В любой момент могла снять. Но не снимала, а то бы мама навесила задвижку снаружи. Рокси в темноте довольно знать, что можно выйти, если сильно охота. Знание ничем не хуже свободы.

И поэтому они думают, что надежно ее заперли. А она все равно выходит. И видит.

Мужики приходят полдесятого вечера. Рокси должна была ночевать у кузин — договорились заранее, за много недель, но Рокси огрызнулась на маму, потому что мама купила ей не те колготки в “Праймарке”, и мама сказала: “Никуда не пойдешь, сидишь дома”. Да Рокси нафиг не сдались эти кузины занюханые.

Мужики выбивают дверь, видят Рокси, которая сидит с мамой на диване и дуется, и один говорит:

— Епта, девчонка дома.

Их двое — один повыше, с крысиной мордой, другой помельче и с квадратным подбородком. Рокси их не знает.

Мелкий хватает маму за горло, длинный гоняется за Рокси по кухне. Рокси уже почти ныряет в заднюю дверь, но тут он ловит ее за ляжку; она падает вперед, и он сгребает ее за талию. Она брыкается и орет:

— Пусти, отъебись!

А когда он прихлопывает ей рот ладонью, она кусается так, что на языке кровь. Мужик ругается, но рук не разжимает. Тащит Рокси через гостиную. Мелкий притискивает маму к камину. И тогда Рокси чувствует, как оно нарастает внутри, только не знает, что это. В кончиках пальцев звон, большие пальцы покалывает.

Она кричит. Мама заводит:

— Не трожьте мою Рокси, только посмейте, сволочи, вы не въезжаете, во что вляпались, вам отольется, пожалеете, что на свет родились. Да ее отец — Берни Монк, вы совсем уже?

Мелкий смеется:

— Да мы тут, по ходу, как раз с весточкой для ее папаши.

Длинный запихивает Рокси в чулан под лестницей — оглянуться не успела, а вокруг тьма и сладко пахнет пылью от пылесоса. В гостиной кричит мама.

Рокси дышит часто-часто. Страшно, но надо к маме. Ногтем Рокси крутит винтик на замке. Один поворот, другой, третий — и нет винтика. Между металлом и ладонью пробивает искрой. Статическое электричество. Рокси как-то странно. Она очень собранная, словно видит с закрытыми глазами. Нижний винтик — один поворот, другой, третий. Мама твердит:

— Умоляю вас. Умоляю, не надо. Умоляю. Вы что делаете? Она же ребенок. Она еще маленькая, вы что?

Один мужик негромко смеется:

— Ну такой себе ребеночек.

Тут мама визжит — будто скрежещет железо в полетевшем моторе.

Рокси прикидывает, где стоят мужики. Один с мамой. Другой... что-то шуршит слева. У Рокси есть план: выскочить пригнувшись, длинному врезать под колени, упадет — ногой в голову, и тогда две против одного. Если пушки и есть, мужики их не доставали. Рокси драться не впервой. Про нее много чего говорят. И про маму. И про папку.

Раз. Два. Три. Мама опять кричит, Рокси срывает замок и пинает дверь со всей силы.

Повезло. Дверью заехала длинному в спину. Он шатается, валится, Рокси хватает его за правую ногу, задирает ее повыше, и он с размаху грохается на ковер. Что-то трещит — и у длинного кровь носом.

Мелкий вжимает нож маме в шею. Лезвие подмигивает Рокси, смешливо серебрится.

Глаза у мамы расширяются.

— Рокси, беги, — говорит она — шепотом, но как будто прямо у Рокси в голове. — Беги. Беги.

В школе Рокси от драк не бегала. Если бегать, они никогда не заткнутся. “Твоя мамка шалава, а отец — бандюган. Вон Рокси идет — держись за карман”. Надо лупить их, пока не взвоют. Бегать нельзя.

Что-то происходит. Кровь стучит в ушах. Звон растекается — по рукам, на спину, и на плечи, и вдоль ключиц. Говорит ей: ты можешь. Говорит: ты сильная.

Рокси перепрыгивает упавшего мужика — тот стонет и щупает лицо. Схватить маму за руку — и нафиг

отсюда. Надо на улицу, и все. На улице средь бела дня ничего такого быть не может. Отыскать отца — он разберется. Каких-то несколько шагов. Все получится.

Мелкий сильно бьет маму в живот. Та от боли сгибается пополам, падает на колени. Мужик замахивается на Рокси ножом.

Длинный стонет:

— Тони. Не забывайся. Девчонку нельзя.

Мелкий впечатывает ногу длинному в лицо. Раз. Другой. Третий.

— Не. Говори. Мое имя, епта.

Длинный притихает. Лицо у него пузырится кровью. Рокси ясно, что дела ее плохи. Мама кричит:

— Беги! Беги!

Рокси словно тычут булавками по рукам до самых плеч. Будто свет пронзает иголками от хребта до ключиц, от горла до локтей, и запястья тоже, и подушечки пальцев. Рокси мерцает изнутри.

Мелкий тянется к ней одной рукой — в другой нож. Рокси готовится пнуть его или заехать кулаком, но инстинкт говорит другое. Рокси перехватывает его запястье. И что-то *выкручивает* глубоко-глубоко у себя в груди, словно всегда умела. Мужик вырывается — но поздно.

Она держит молнию в длани своей. Повелевает молнии ударить.

Треск, вспышка, и как будто хлопает бумажная лягушка. Запах — немножко как гроза и немножко как жженный волос. Под языком наливается вкус помеланцев. Мелкий уже на полу. Он протяжно, бессловесно кричит. Ладонь у него сжимается, разжимается. От запястья к локтю бежит длинный красный след. Рокси различает его даже под светлой порослью: алый

узор, как папоротник, с листьями и усиками, почками и веточками. У мамы распахнут рот, она смотрит во все глаза, еще роняя слезы.

Рокси тянет ее за локоть, но мама в шоке, тормозит, и губы ее все еще складывают: “Беги! Беги!” Рокси без понятия, что сделала, однако знает: когда дерешься с теми, кто сильнее, и они падают, надо смазываться. Но мама слишком медленная. Не успевает Рокси вздернуть ее на ноги, мелкий говорит:

— Ну нет, куда пошла?

Он опасно поднимается, хромает, загораживает дверь. Одна рука мертво повисла, но в другой-то нож. Рокси вспоминает, каково это было — сделать то, что она сделала. Закрывает маму собой.

— Что там у тебя, пупсик? — говорит мужик. Тони. Рокси запомнит имя, скажет отцу. — Батарейка?

— С дороги, — говорит Рокси. — Еще захотел?

Тони на пару шагов пятится. Оглядывает ее руки. Проверяет, нет ли у нее чего за спиной.

— Что, пупсик, — уронила, да?

Рокси вспоминает, каково это. *Выкручиваешь* — и взрыв наружу.

Делает шаг к Тони. Тот не отступает. Еще шаг. Он косится на свою омертвелую руку. Пальцы еще подергиваются. Он качает головой:

— Да нет у тебя нифига.

И машет на Рокси ножом. Она касается тыла его здоровой ладони. И опять *выкручивает*.

И ничего.

Он смеется. Берет нож в зубы. Одной рукой зажимает ей оба запястья.

Рокси пробует снова. Ничего. Тони ставит ее на колени.

— Умоляю, — говорит мама очень тихо. — Прошу вас. Умоляю вас, не надо.

А потом Рокси лупят по затылку — и Рокси нет.

Приходит в себя — а весь мир на боку. Вот камин, как всегда. Деревянная отделка вокруг очага. Деревяшка тычет Рокси в глаз, и башку ломит, и рот втиснут в ковер. На зубах вкус крови. Что-то капает. Рокси закрывает глаза. Открывает и знает, что прошла отнюдь не одна минута. Снаружи на улице тихо. Дом промерз. И на боку. Рокси ощупывает себя. Ноги задраны на стул. Лицо свесилось, вмялось в ковер и камин. Она хочет выпрямиться, но сил нет, поэтому она извивается и роняет ноги на пол. Падать больно, но теперь она хотя бы лежит ровно.

Краткими вспышками возвращается память. Боль, затем источник боли, затем то, что она сделала. Затем мама. Рокси медленно поднимается — и тогда замечает, что руки липкие. И что-то капает. Ковер промок, свалялся, у камина красное пятно широким кругом. Вот и мама — голова запрокинулась на диванном подлокотнике. А у мамы на груди листок, а на листке фломастером нарисована примула.

Рокси четырнадцать. Она одна из самых юных и одна из первых.